
А. К. Алексеев

**Йаса и ислам:
особая модель функционирования
административно-правовых институтов
ханств Мавераннахра**

Земли среднеазиатского междуречья — древний регион взаимодействия различных по этническому, культурному, религиозному происхождению народов. В ходе их этногенеза особое значение имели взаимодействие и взаимовлияние оседлой и кочевой цивилизаций. Данное взаимодействие породило особый тип государственных институтов, присущих исключительно ханствам западной части Центральной Азии. Они были тесно связаны с элементами обоих видов цивилизаций и существовавшими в них религиозными системами, являвшимися единственно возможными для данного хронологического периода видами идеологии.

Предметом настоящего исследования является история формирования, функционирования и взаимодействия административно-правовых институтов среднеазиатских ханств и значение унаследованных монгольских компонентов в данных институтах.

В ходе монгольских завоеваний под предводительством Чингиз-хана (ум. 1227) Мавераннахр и Северный Афганистан оказались в составе Великой монгольской империи, простиравшейся от Желтого моря на востоке до Дуная на западе. Таким образом, в составе империи оказалось огромное число народов, имевших собственные, зачастую значительно более развитые, чем у монголов, системы государственного управления. Монгольская система базировалась на нескольких традиционных для кочевого общества принципах:

- формирование правовой системы на основе обычного права;
- установление кочевого образа жизни как единственно возможного для правящей элиты;

– организация территориального деления государства по военной системе из трех основных частей: правое крыло (برونغر), левое крыло (جونغر), центр (قول), в рамках которых выделялись территории для кочевания племен (الوس), объединенных в районы, способные выставить до 10 тыс. воинов *тумен* (طومان, طومن) и населенные пункты для «кормления» (برات).

Такая традиция претерпела определенные изменения в ходе проведенного Чингиз-ханом раздела земель западной части своих владений на уделы между четырьмя старшими сыновьями, которых именовали четырьмя *кулуками* (چهار قولق): Джучи (ум. 1227), Чагатаем (ум. 1242), Угедеем (Уктаем) (ум. 1241) и Тулуем (Тулу) (ум. 1233)¹.

В результате раздела империи Мавераннахр Восточный Туркестан и ряд сопредельных территорий оказались в составе *улуса* Чагатая. Среди всех *улусов*, оказавшихся в составе империи, именно этот имел очень долгую традицию сосуществования в рамках одного государственного образования кочевнического и оседлого населения. Мавераннахр к эпохе монголов благодаря тюркской системе государственности был подготовлен к принятию и адаптации монгольской системы, которая по своей сути во многом копирует тюркскую.

Следует также принять во внимание, что у монголов род оставался одним из важнейших, если не самым важным, факторов, воздействующих на формирование всей государственной системы, ее своеобразным начальным уровнем². Положение обычного родового объединения проецировалось и на «золотой род» Чингиз-хана (الطين اوروق), который, в свою очередь, являлся вершиной всей государственной системы. «Золотой род» сообща владел государством, управлял которым избранный из его среды верховный хан (قان). Такое состояние сохранялось до распада монгольской империи в 60-х гг. XIII в.

Законодательной основой жизни «золотого рода» стал выработанный на основе обычного права кочевников свод законов *йаса* (ياساق و ياسا و ياسون خاقاناي) и собрание прецедентов *билики*

¹ Подробнее о распределении улусов см.: Б. Я. Владимирцов, «Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм», *Работы по истории и этнографии монгольских народов* (Москва, 2002), с. 394 и далее; Т. И. Султанов, *Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана* (Алматы, 2001), сс. 22, 35—56.

² Владимирцов, *op. cit.*, с. 341.

(بیلیق). Первоначально данный свод был ориентирован Чингиз-ханом только на членов правящей элиты. Собственно, в полном виде йаса не сохранилась, однако многие ее положения дошли до нас через произведения мусульманских историков³. Сведения о том, как она была создана, сохранились, в частности, в сочинении ‘Ала’ ад-Дина ‘Ата Малика Джувайни «История завоевания мира» (تاریخ جهانگشا):

چون اقوام تاتار را خطی نبوده است [چنگیز خان] فرمود تا از ایغور کودکان مغول خط بیاموختند و آن یاسا ها و احکام بر طوامیر ثبت کردند و آن را یاسا نامه بزرگ خوانند و در خزانه معتبران پادشاه زادگان باشد و هر گه که خانی بر تخت نشیند یا لشکری بزرگ بر نشانند و یا پادشاه زادگان جمعیت سازند و در مصالح ملک و تدبیر آن شروع پیوندند و آن طومار ها حاضر کنند و بنای کارها بر آن نهند.

«Поскольку у татарского народа не было письменности, Чингиз-хан приказал, дабы у уйгуров дети монгольские обучались бы письму, а повеления его и приказы начертали б на свитках, и называли то великой йасой, и хранилась она в надежных собраниях царевичей. А каждый раз, когда выбирали хана, или отправляли [в поход] большое войско, или же царевичи съезжались вместе, то при начале рассмотрения дел о благах государства эти свитки приносили и все дела основывали на них»⁴.

После кончины своих братьев Чагатай стал старшим в роду Чингизидов. Старшинство обеспечивало ему определенное влияние на членов «золотого рода». По свидетельству современников, он отличался «свирепым нравом», слыл лучшим знатоком йасы и биликов, без его ведома и одобрения «даже великий каан Угедей не принимал сколько-нибудь важных советов»⁵. Именно благодаря его усилиям положения йасы, изначально ориентированные на узкий круг Чингизидов, стали основным законом как для кочевого, так и для оседлого населения Мавераннахра и сопредельных территорий. Под страхом смерти

³ Султанов, С. Г. Кляшторный, *Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье* (Санкт-Петербург, 2004), сс. 188—189.

⁴ Ата-Малик Джувайни, «Та’рих-и джахангуша», В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия. I. Тексты* (Санкт-Петербург, 1898), с. 103.

⁵ Султанов, *Тимур и его империя* (Алматы, 2004).

он требовал неукоснительного исполнения ее положений от всех, кто находился на территории его улуса.

Йаса и *билики*, несмотря на их поддержку, со стороны монгольской властной элиты не могли долго удерживать позиции единственной законодательной системы. Как мы уже отмечали выше, монголы покорили земли со значительно более развитыми правовыми системами. К XIII в. Мавераннахр был зоной господства ислама, хотя и в его региональной форме, которая в значительной мере впитала местные традиции, отличаясь от нормативной, но, тем не менее, базировалась на общеисламских принципах⁶. *Йаса*, составленная на основе кочевого права, для кочевников и ради кочевников, не могла отражать все реалии правовых, экономических и религиозных отношений в регионе. На последнем обстоятельстве следует остановиться особо. Монголы, как известно, были довольно веротерпимы. Более того, в исторических источниках присутствуют факты поощрения ими как мусульманской, так и христианской конфессий, которые воспринимались ими как дополнительная система экономической эксплуатации покоренного населения. Даже такие случаи, как запрещение мусульманам резать скот на мясо, что привело к голоду в среде мусульман в Чагатайском улусе, а также ряд иных анти-мусульманских действий Чагатая, не меняют общей концепции⁷. По свидетельству Джувайни, сам Чингиз-хан был чужд каких бы то ни было религиозных чувств:

چون چنگز خان متقلا هیچ دین و تابع هیچ ملت نبودى از تعصب و رجحان ملتى بر ملتى دیگر تفضیل و بعضى بر بعضى مجتنب بوده است.

«Поскольку Чингиз-хан не был приверженцем ни одной из религий и не потворствовал ни одной из народностей, он избегал давать предпочтение одной народности над другой и одному человеку над другим»⁸.

При этом, очевидно, что установления *йасы* иногда напрямую входили в противоречие с мусульманским законом (*шариат*). Примирить их было весьма сложно, ибо оба закона, назовем их так, являлись не просто набором установлений, но были нацеле-

⁶ С. М. Прозоров, «Ислам единый, ислам региональный», *Ислам как идеологическая система* (Москва, 2004), с. 378.

⁷ Бартольд, «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии», *Сочинения* (Москва, 2002), v, с. 140.

⁸ Джувайни, *op. cit.*, с. 103.

ны на регламентацию всех сторон жизни. При этом ислам допускал наличие «отклонений» от норматива, вызванных региональными порядками, а *йаса* их не воспринимала, так как являлась конечным актом, подлежащим обязательному исполнению.

После смерти Чагатая в 1242 г. уже более не отмечается столь ревностного стремления отстаивать положения *йасы*. Чингизидам было просто не до этого, в империи вспыхнула серия войн за обладание верховной властью, а впоследствии и за обладание улусами. Не останавливаясь на данных сюжетах подробно, скажем только, что в результате этой борьбы Чагатаидами смогли утвердить свою власть в улусе окончательно.

В правление Кебек-хана б. Дува-хана (كبيک خان بن دوا خان) столица улуса переносится из Восточного Туркестана (район р. Или) на территорию оседлых районов Мавераннахра, где хан построил для себя дворец в низовьях р. Кашкадарья⁹. Сам хан не принял ислам, но уже в правление его сына Турмаширина (تورمشيرين خان) (уб. ок. 1334) ислам был объявлен государственной религией. Турмаширин обратился в ислам и принял мусульманское имя 'Ала' ад-Дин Мухаммад. При его правлении, впервые с момента установления господства монголов в Средней Азии, *йаса* и мусульманский закон имели равные позиции, хотя и сугубо формально. Однако такое положение охватывало далеко не все население. Под предлогом отхода от *йасы* Турмаширин был убит, а ставка нового хана Бурана (بوران خان) была возвращена в Восточный Туркестан¹⁰. Ислам снова бы выведен за рамки государственной религии, но на весьма краткий период. Уже через десять с небольшим лет другой чагатаид Казан-хан (уб. 1346/47) предпринял попытку перевести центр государства в Мавераннахр, где в районе города Карши возвел для себя дворец.

В этот период отчетливо проявляется тенденция смешения монгольского и тюркского кочевых сообществ. Монголы постепенно растворяются в массе тюркских кочевников, что приводит к утрате многими из их объединений монгольского языка

⁹ Султанов, *Тимур и его империя*, с. 14.

¹⁰ Правление данных чагатаидов описано: Махмуд б. Амир Вали, *Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар*, фотокопия рукописи ФВ-258, ИВР РАН, лл. 216—236; см. также: Султанов, *Тимур и его империя*, с. 17 и далее.

и переходу на тюрки¹¹. Смешение с тюрками имело и еще один важный аспект: многие тюркские кочевники уже приняли ислам. Ислам стал вытеснять *йасу* из политической и экономической сфер среди той части населения Чагатайского улуса, которая вступила в тесное взаимодействие с оседлым населением. Разумеется, ислам еще не мог закрепиться прочно в сознании недавних язычников, но влияние кочевого порядка уменьшилось.

Финальным кризисом доминирующего положения *йасы* явилась эпоха правления *амира* Тимура (правил 1370—1405). Именно в данный период ислам вновь обрел то влияние на формирование государственных институтов, которое имел ранее. Прежде всего, в данном аспекте стоит обратить внимание на сам приход к власти Тимура. Именно представитель мусульманской религии *саййид* Барака принес ему символы власти — барабан и знамя (علم و طبل), чем подтолкнул Тимура к началу выступления против своего оппонента *амира* Хусайна. Тимур — уже не *бек*-предводитель кочевого племени, он переселяется в город, чем нарушает одно из основных положений *йасы*.

В пользу восстановления ислама свидетельствует и то, что в официальных историях Тимура одним из главных достоинств отца Тимура *нуьуна* Тарагая сказано, что он был «хорошим мусульманином». Даже если воспринимать это как преувеличение, то оно не случайно сделано историком и оставлено Тимуром, который часто выступал «редактором» своей официальной историографии. Следовательно, для данного времени, принадлежность к *умме*, причем через отца, несла значимую функцию для маркировки правящего дома как мусульманской династии. Это, в свою очередь, упрощало восприятие Тимура и его потомков в качестве законных государей. Другим примером подчеркивания покровительственного отношения к мусульманской религии

---

¹¹ Как нам видится, причины этого следует искать в традиционных для монголов брачно-семейных отношениях. Жен можно было брать только из другого племени, потому что даже группа близкородственных родов, часто утративших связи, все равно воспринималась как некое родственное сообщество, браки внутри которого запрещались (см.: Владимирцов, *op. cit.*, с. 343). Если принять во внимание, что Чагатай в свое время получил только 4000 воинов из регулярной армии, а большее число монголов вернулось в пределы Монголии, то можно сделать вывод о весьма небольшом числе собственно моголов в Мавераннахре.

со стороны Тимура служат его распоряжения по обустройству мечетей и *мадраса* в его столице Самарканде (Биби-ханум и др.)¹², а также строительство богато украшенного *мазара* суфия Занги-ата¹³.

Видимо, при Тимуридах (в правление Шахруха) кочевая часть населения Мавераннахра восприняла ислам не только внешне, сугубо формально, но и внутренне, осознанно, так как именно в это время исламская идея возобладала над старым кочевым укладом¹⁴. Однако принятие ислама вовсе означало окончательное утверждение его в качестве «образа жизни». Слияние его с кочевой традицией и породило ту региональную форму, некоторые очертания которой можно видеть вплоть до настоящего времени. Такое положение имело прямое отношение к формированию особой модели функционирования государственных институтов, окончательное формирование которых мы получаем уже в эпоху складывания Бухарского, Хивинского и Балхского ханств.

Тимур не был Чингизидом, соответственно, по существовавшей традиции, не имел прав на политическое господство. Чтобы каким-либо образом легитимизировать свои притязания, он использовал два института: во-первых, он женился на дочери Чагатаида Казан-хана, став, таким образом, ханским зятем-*гурганом* (گورگان), во-вторых, он воспользовался возможностью возведения на престол подставных ханов, «желая возродить династию Чагатаидов» (خواست که احیای خاندان چغتای کرده) и «соизволив воскресить древние установления *йасы*» (و یوسون و یاساق بر قواعد قدیم مجدد فرموده)¹⁵, что еще раз подчеркивает сложившийся «симбиоз» двух государственных идеологий.

Шибаниды (правили 1501—1601), сокрушившие империю потомков Тимура, также будучи сугубо мусульманской династией, обосновывали свое право на владение Мавераннахром принадлежностью к роду Чингиз-хана и возвращением своих исконных земель. То, что они принадлежали к другой ветви

¹² Д. Абдуллоев, «Биби-хоним», *Ислам на территории бывшей Российской Империи. Энциклопедический словарь*, под ред. С. М. Прозорова (Москва, 2006), i, с. 67.

¹³ С. Н. Абашин, «Занги-ата», *ibid.*, с. 150.

¹⁴ Султанов, *Поднятые на белой кошме*, с. 62.

¹⁵ Nizamuddin Šami, *Zafarnama*, ed. critique par F. Tauer (Praha, 1937), i, p. 58.

Чингизидов (являлись джучидами) их нисколько не заботило, так как, по традиционной системе, государством владел весь «золотой род».

Государственные системы, сложившиеся в Бухарском ханстве при Шибанидах, во многом повторяются и при последующих династиях Аштарханидов (правили 1601—1785) и Мангитов (правили с 1753 через подставных ханов, полновластно с 1785—1920). Весьма показательными источниками в данном отношении будут служить как сведения местных историков¹⁶, так и материалы посольств и торговых миссий¹⁷.

Период правления данных династий характеризуется постепенным уменьшением значения установлений *йасы* и прогрессирующей ролью исламских институтов. Самое важное место в собраниях хана стали занимать уже не знатоки степного закона, а *накибы* (نقیب), как правило, *сайиды*, принадлежавшие к мусульманскому мистическому братству Накшбандийя, которое планомерно увеличивало свое влияние в регионе еще со времен Тимуридов. В законодательной базе преобладали положения ханафитского *мазхаба*, в качестве руководства по кото-

¹⁶ См., например: Хафиз-и Таныш б. Мир Мухаммад Бухари, *Шаф-нама-йи шахи* (*Книга шахской славы*), факсимиле рук. D 88, пер. с перс., введ., прим. и указ. М. А. Салахетдиновой (Москва, 1983), i; Ходжа Самандар Термизи, *Дастур ал-мулук* (*Назидание государям*), факсимиле старейшей рук., пер. с перс., пред., прим. и указ. Салахетдиновой (Москва, 1971); Махмуд б. Вали, *op cit.*, фотокопия рукописи ФВ-257, India Office Library, ii — *хатима*; Мухаммад Юсуф Мунши, *Муким-ханская история*, пер. с перс.-тадж. с прим и указ. А. А. Семенова (Ташкент, 1956); Мир Мухаммад Амин Бухари, *Убайдалла-нама*, пер с тадж. с прим. Семенова (Ташкент, 1957); Абдар-рахман Тале', *История Абу-л-Файз-хана*, пер. с тадж. с прим и указ. Семенова (Ташкент, 1959); «Бухарский трактат о чинах и званиях и обязанностях их носителей в средневековой Бухаре», *Советское востоковедение* (Москва—Ленинград, 1948), v; Мухаммад Вафа-йи Карминаги, *Тухфа-йи хани*, С 225, ИВР АН и др.

¹⁷ «Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенчъ», *Русская историческая библиотека*, под ред. А. Н. Труворова (Санкт-Петербург, 1894), xv, сс. 1—91; «Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова», *Сборник князя Хилкова* (Санкт-Петербург, 1897), №107; *Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневини в Персию и Бухару в 1718—1725 гг.* (Москва, 1986).

рому использовалось сочинение Бурхан ад-Дина ‘Али б. Абу Бакра б. ‘Абд ал-Джалила Маргинани «Субханиййа»¹⁸.

В то же время правящий дом не мог полностью отказаться от *йасы*, которая определенным образом служила гранью, отделяющей Чингизидов от иных сословий. Источники указывают, что до XVII в. исполнение предписаний *йасы* контролировалось специальными чиновниками¹⁹. При издании указов и иных нормативных актов источники упоминают, что они написаны в «соответствии с *йасой*» (مطابق یاسا و یوسون)²⁰.

Йаса давала правящей династии возможность сдерживать в отношении себя применение исламских законов, и до тех пор, пока внутри правящего дома были сильны кочевые устремления, ислам не мог в полном объеме выдвинуть из политического поля кочевые установления. Если обратиться к придворному церемониалу, то в нем присутствуют совершенно недопустимые, с точки зрения даже регионального ислама, вещи, такие как, скажем, распятие алкогольных напитков ханом и его приближенными²¹. Однако последнее отнюдь не противоречит степному кодексу.

Йаса также способствовала расширению налоговой базы, так как ее установления распространялись на виды налогов, не освященные исламом. В соответствии с законами Чингиз-хана, за исключением правящей фамилии, лишь незначительные социальные группы, в частности представители религии, пользовались налоговым иммунитетом, причем сделано это было именно для увеличения собираемости налогов.

Наибольшее влияние *йаса* сохраняла среди чагатаев, компактно проживавших в бухарском *тумане* Амирабад. Они сохраняли свои кочевые традиции и пользовались определенным

¹⁸ М. А. Абдураимов, *Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XVII вв.* (Ташкент, 1966), i, с. 26.

¹⁹ А. К. Алексеев, *Политическая история Тукай-Тимуридов: по материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар* (Санкт-Петербург, 2006), с. 145.

²⁰ Idem, «Золотоордынские элементы в официальной истории аштарханидских государств в Средней Азии. “Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар” Махмуда б. Вали», *Даит-и Китчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы научной-практической конференции* (Москва, 2003), с. 65.

²¹ Баргольд, «Церемониал при дворе узбекских ханов», *Сочинения* (Москва, 1964), ii/2, с. 390 и далее.

самоуправлением. Репрессии против них, начавшиеся при Аштарханиде Абу ал-Файз хане (правил 1711—1747), еще более сократили влияние *йасы* на население, в том числе кочевое.

Подводя итоги, отметим, что среднеазиатские ханства представили своеобразную систему властно-правовых отношений, основанную на двух противоположных источниках права: *шариате* и установлениях *йасы*, имеющей в своей основе прецедентное право кочевников, часто также именуемое *адатом*. Сохранению и взаимовлиянию часто противоречащих друг другу систем способствовали властные элиты, которые в зависимости от политической конъюнктуры делали вид, что придерживаются определенной системы. В этом отношении кочевые традиции способствовали сохранению преимущественного состояния кочевников как военной и политической основы государства и правящего дома, в тоже время ислам, с одной стороны, содействовал сохранению самосознания, образа жизни покоренных монголами народов, с другой, впитывая элементы новых общественных отношений, видоизменялся таким образом, что смог стать фактором, объединившим и завоевателей, и завоеванных. При этом, несмотря на единство вероисповедания, отпечаток, наложенный на общественные отношения традиционными правовыми институтами и их производными, такими как *йаса* и *билки*, не изжит полностью и до настоящего времени.